

УДК 316.7

5.4.6. Социология культуры

[https://doi.org/10.34680/EISCRT-2024-1\(6\)-220-250](https://doi.org/10.34680/EISCRT-2024-1(6)-220-250)

ОТ «ГРУПП СМЕРТИ» ДО УМНЫХ ТОЛП: СОЦИАЛЬНЫЙ СМЫСЛ СЦЕНАРИЕВ САМОПРЕЗЕНТАЦИИ МОЛОДЕЖИ В ЦИФРОВОЙ МЕДИАКУЛЬТУРЕ ПОСТСОВРЕМЕННОСТИ

Всеволод Шипулин,
Новгородский
государственный
университет имени
Ярослава Мудрого
(Великий Новгород, Россия).

Vsevolod Shipulin,
Yaroslav-the-Wise Novgorod
State University
(Veliky Novgorod, Russia).

ORCID: 0000-0002-8921-3752
e-mail: shipulin74@mail.ru

Для цитирования статьи:

Шипулин, В. О. (2024). От «групп смерти» до умных толп: социальный смысл сценариев самопрезентации молодежи в цифровой медиакультуре постсовременности. *Индустрии впечатлений. Технологии социокультурных исследований (EISCRT)*, 1(6), 220–250. [https://doi.org/10.34680/EISCRT-2024-1\(6\)-220-250](https://doi.org/10.34680/EISCRT-2024-1(6)-220-250)

Аннотация: статья анализирует специфику формирования самопрезентационных паттернов современной молодежи средствами медиакультуры. Отмечается плюрализация форматов и сценариев осуществления самопрезентации в условиях постсовременного цифрового социума, присущие им перформативность, контекстуальность децентрированность, транслокальность, способность комбинировать

различные составляющие, синтезировать изначально разнородные элементы. Эклектичный имидж, свойственный некоторым молодежным сообществам, может быть неоднозначно расшифрован извне, причем обнаруживаемые в нем смыслы и интенции подчас оказываются очень далекими от тех, что изначально вкладывают в свой образ сами члены этих комьюнити. Также актуальным является вопрос о том, не приведут ли предлагаемые сетевой медиакультурой сценарии самопрезентации к рассогласованности различных компонентов интегрального «Я» и кризису идентичности. На основе конкретных примеров молодежной самопрезентации, осуществляемой в пространстве интернета и за его пределами, иллюстрируется возможность выражения с ее помощью различных ценностей, установок и устремлений – как позитивных, способствующих реализации социально одобряемых и востребованных целей, так и негативных, популяризирующих идеи и практики деструктивных субкультур.

Ключевые слова: самопрезентация, цифровая медиакультура, неформальные молодежные движения, фандом, смартфон, флэшмоб.

Введение

Хорошо известно, что массовая культура, включающая в себя и медиакультуру, выступает важнейшим ресурсом конструирования персональных и коллективных идентичностей, эффективным инструментом их презентации и продвижения. СМИ, кинопродукция, телешоу, популярная музыка, компьютерные игры и т. д. всегда транслировали потребителям определенный набор ценностей, формировали ролевые модели поведения, паттерны общения, предлагали образцы решения профессиональных задач и практик проведения досуга. Но если в условиях массового общества индустриальной эпохи набор предоставляемых медиакультурой идентификационных паттернов был не столь велик в силу относительной количественной ограниченности источников культурного-информационного воздействия, и к тому же данное воздействие имело однонаправленный характер (от источника культурной информации – к реципиенту) [Тоффлер 2004: 614], то с

наступлением цифровой эры медиасреда, во-первых, массово производит неограниченное количество самых разных образцов на выбор для идентификации, а во-вторых, сам индивид становится субъектом конструирования и презентации вовне своего персонального имиджа, бренда (или множества таковых) с целью произведения желаемого впечатления на целевую аудиторию и способного выступать в качестве модели подражания для других. Инновационные форматы групповой, коллективной самопрезентации также активно продвигаются средствами сетевой медиакультуры.

Сегодня цифровая медиакультура предлагает множество инструментов (социальные сети, фотосервисы и видеохостинги, подкастинговые и игровые платформы, мессенджеры и т. п.) и сценариев (ведение интернет-блогов, создание виртуальных сообществ по интересам, продвижение персональных и коллективных проектов посредством сетевого краудсорсинга, смартмобы, флэшмобы и пр.) для самовыражения, их количество будет, безусловно, только возрастать [Хан 2023: 200]. При этом формируемый и транслируемый вовне индивидуальный или коллективный образ нередко отмечен чертами процессуальности, ситуативности, эклектизма: этот образ в процессе онлайн- и офлайн-взаимодействий может обогащаться новым содержанием, может выступать в качестве сиюминутного явления-отклика, возникшего в ответ на какой-то экзистенциально или эмоционально значимый вызов, он способен инкорпорировать и комбинировать различные составляющие в зависимости от

аудитории и контекста или же изначально представляет собой синтез разнородных компонентов.

Описанные особенности самопрезентации в дигитальном мире аналогичны постмодернистским трактовкам идентичности и способов ее представленности в культуре и социуме. Будучи философией радикального плюрализма, постмодернизм исходит из восприятия природы человека как мозаичной, комбинаторной сущности. Это означает, что жизненная траектория индивида допускает вольный выбор и трансформацию идентичностей и вариантов презентации в различных сегментах динамичного социума и фрагментарной культуры постсовременности: при необходимости человек одевает на себя ту маску (которая, впрочем тут же становится одним из компонентов его многогранной самости), которая наиболее адекватно соответствует требованиям внешних условий и его внутреннему настроению, позволяет актуализировать интенцию к слиянию с определенной социальной (этнической, культурной, профессиональной, сформированной по признаку сексуальной ориентации) общностью, синтезирует ранее не сочетаемые элементы индивидуального образа с целью эпатажа. Развитие глобального интернета способствует тому, что процесс персональной и групповой самопрезентации в медиакультуре постмодерна становится не только предельно вариабельным, но и экстерриториальным.

Хотя перечисленные особенности, безусловно, характеризуют способы позиционирования себя в обществе, которые могут использоваться людьми различного социального

статуса и возраста, представляется все же, что молодому поколению они свойственны в первую очередь.

Основная часть

Молодежь, как известно, вообще является наименее консервативным и открытым инновациям социальным слоем, представители которого нередко стремятся освободиться от контроля со стороны официальных социально-политических институций, привязанностей к локальному культурному контексту, хотя в большей мере зависят от самих себя, последствий собственных выборов и рисков [Кравченко 2019: 50] (не всегда, вероятно, полностью эти последствия осознавая). Их личностная самодетерминация и система ценностей в силу возраста часто являются эклектичными и до конца несформировавшимися. Необходимость осуществлять профессиональный выбор, задумываться о создании семьи побуждает молодых людей моделировать различные варианты развития жизненного пути, а всеобщая и перманентная погруженность в сетевую среду предоставляет дополнительные возможности для поиска нетривиальных и гибких способов представленности внешнему миру.

Одним из распространенных форматов современной коллективной самопрезентации молодежи выступают неформальные движения, появившиеся изначально на Западе в середине прошлого века, а с началом так называемой перестройки активно множась и в России. Известно, что

отличительными чертами подобных движений являются суб- и контркультурность, то есть инновационность, альтернативность, а в ряде случаев – и жесткая оппозиционность установкам мейнстримной, доминирующей культуры. Основанием для возникновения неформальных молодежных сообществ могут выступать, например, общие музыкальные или спортивные пристрастия, нетипичные установки мировосприятия. Нередко членство в подобных объединениях рассматривается молодыми людьми как средство самоутверждения, особенно в тех случаях, когда они не могут в полной мере найти себя в системе социально одобряемых коммуникативных и поведенческих практик, а также реализуется в качестве способа выражения протеста «против современного общества и массовой поп-культуры» [Кыштымова & Чжен 2013: 77].

При этом обращает на себя внимание следующее обстоятельство: отвечая на вопрос о том, что они считают основным идентификационным признаком той или иной неформальной субкультуры, представители молодежи называют, как правило, внешний вид, и лишь затем – с большим отрывом – музыку, манеру поведения, общения и жизненную позицию [Кыштымова & Чжен 2013:79]. Разумеется, внешняя сторона является важным структурным элементом всякой групповой, корпоративной культуры; так, в известной работе «Корпоративная культура и лидерство» Э.Х. Шейн, отмечает, что ей присущи «как вполне осязаемые внешние проявления, доступные органам чувств, так и глубинные подсознательные базовые представления <...>. Между

двумя этими полюсами находятся разного рода коллективные ценности, нормы и правила поведения, используемые носителями данной культуры для представления ее как самим себе, так и другим» [Шейн 2002: 35]. Особенностью молодежных неформальных субкультур является смещенность структурных пропорций и зависимостей: если в относительно консервативных групповых культурах главным элементом выступают подсознательно или целенаправленно сформированные глубинные, базовые представления, которые манифестируются в элементах внешнего имиджа, то в молодежной среде первично именно презентирование внешнего облика, выражающегося в стиле и цвете одежды, причёске, пирсинге, татуировках и прочих подобных маркерах, а также в названии, и уже на этом основании возникает возможность догадываться о стиле жизни, ценностных предпочтениях, мировоззрении индивида или группы.

Как правило, основной посыл самим себе и окружающим, который несут элементы молодежного субкультурного имиджа, его опознавательные маркеры, при желании легко считываются: к примеру, неприятие «системных» ценностей и анархизм панков проявляются посредством элементов нарочитой внешней эксцентричности в виде множества булавок и нашивок на одежде, причёски-ирокеза, выбритых висков (фото 1); субкультура готов, объединившая последователей музыкального жанра «готик-рок», любителей мистической литературы и кинематографии, выражается в таких аспектах наружного облика, как преобладание черного цвета в одежде, мистические символы

(летучие мыши, кресты, символы смерти и пр.), соответствующий макияж (фото 2).

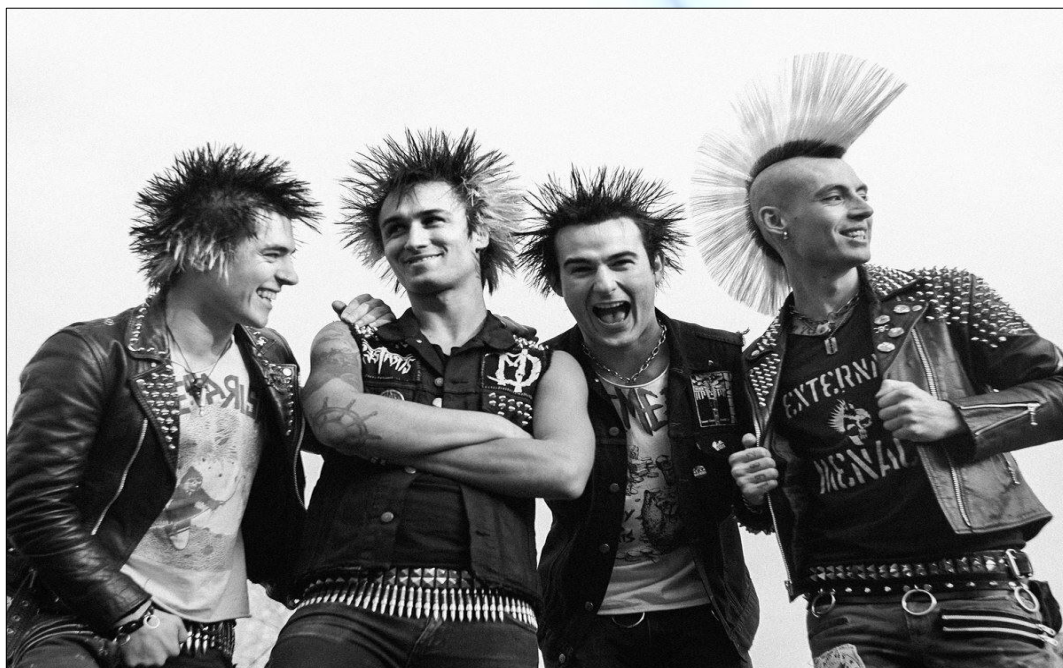

Фото 1. Панки. Изображение размещено в свободном доступе на платформе: clck.ru/38pobG

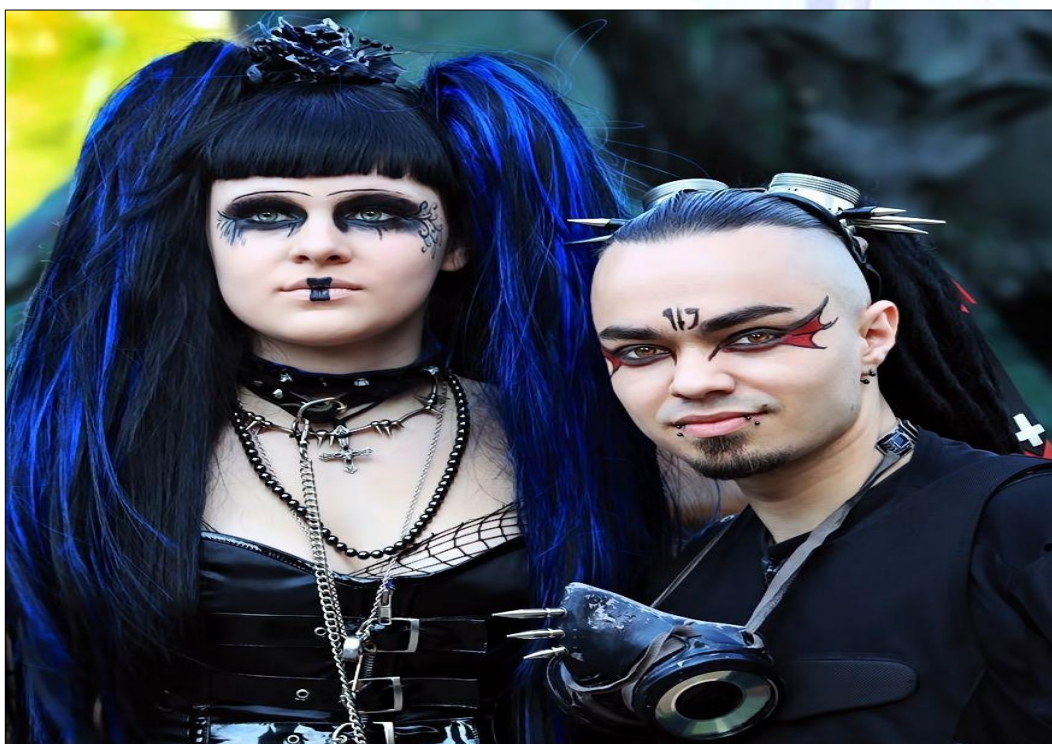

Фото 2. Готы. Изображение размещено в свободном доступе на платформе: clck.ru/38pobG

Однако случается и так, что имидж молодежного неформального движения может постмодернистски эклектично сочетать в себе разнородные культурные и социальные элементы, что ведет к его неоднозначной расшифровке извне, причем раскодируемые смыслы и интенции подчас оказываются очень далекими от тех, что изначально вкладывают в свой образ сами участники движения. Показательным примером такого рода может служить ставшая внезапно знаменитой в феврале 2023 года в России неформальная группировка под названием «ЧВК Рёдан». Поводом к тому, что это ранее мало кому известное название вдруг оказалось в топе новостей многих отечественных СМИ, стали физические столкновения сторонников этого движения с представителями других молодежных объединений в торговых центрах крупных российских городов, что привело к полицейским облавам в местах этих стычек.

Что же представляет собой «ЧВК Рёдан», в чем состоят его «идеология» и специфика презентации внешнему миру? Какие социокультурные смыслы могут иметь как сам факт популярности данного сообщества, так и обнаружившиеся реакции на его появление со стороны различных сегментов российского социума? По сути, это одно из многочисленных подростковых движений, относящихся к субкультуре так называемых анимешников. Представители этой субкультуры увлечены японскими комиксами (манга) и анимационными фильмами (аниме), стремятся изображать персонажей этих фильмов в той или иной форме, создают свои

собственные косплей-костюмы, уподобляясь внешнему виду персонажей из популярных аниме-сериалов (фото 3).

Фото 3. Анимешницы. Изображение размещено в свободном доступе на платформе: clck.ru/38p0r1

Фото 4. Эмблема паука на спине Хисоки – одного из членов клана «Геней Рёдан» из аниме-сериала «Hunter x Hunter» (1998-2022 гг.). Изображение размещено в свободном доступе на платформе: <https://hunterxhunter.fandom.com/ru/wiki/Пауки>

Свое именование сообщество получило в честь криминального клана «Геней Рёдан» из аниме-сериала «Hunter x Hunter», созданного по манге Ёшихиро Тобаши. В фильме члены этой группировки носят клетчатые штаны, используют в одежде и на теле символы в виде пауков с цифрой «четыре» (фото 4).

С помощью подобных внешних идентификаторов, татуировок презентуют себя и члены «ЧВК Рёдан» (фото 5).

Фото 5. Члены движения ЧВК Рёдан: мирные анимешники или нарушители правопорядка?
Изображение размещено в свободном доступе на платформе: https://vk.com/wall-34607162_64885

В данном случае мы имеем перед собой яркий пример того, как образ, произведенный и транслируемый одним из популярных видов современного массового искусства, превратился в источник групповой молодежной идентификации и самопрезентации, стал ролевой моделью для подражания. Сама по себе увлеченность аниме может рассматриваться в контексте процессов культурной глобализации и кросс-культурного взаимодействия, иллюстрируя

возможность превращения специфического феномена той или иной самобытной культуры (в данном случае – японской) в достояние всего человечества (при том, что манга и аниме изначально возникли в Японии как подражание американским комиксам и мультфильмам). Популярность аниме в России может также свидетельствовать о растущем интересе к искусству, традициям и философии Японии в нашем обществе, в том числе в молодежной среде [Алексеев-Апраксин 2017: 16]. Впрочем, последнее вряд ли в значительной степени относится к представителям «ЧВК Рёдан».

Повышенное внимание СМИ к этому молодежному движению связано, однако, не только с отсылкой в названии к героям популярного аниме. Аббревиатура «ЧВК Рёдан» рождает ассоциацию со ставшей хорошо известной в последнее время частной военной компанией «Вагнер», активно участвовавшей в специальной военной операции на Украине. Указанная структура существует де факто параллельно Вооруженным силам РФ и имеет неоднозначный правовой статус. Неудивительно, что попытка обыграть в названии принадлежность к независимой военной организации вызвала особый интерес к «ЧВК Рёдан» со стороны правоохранительных органов; этот интерес тем более объясним, что на своих ресурсах группировка достаточно часто публикует сцены насильственных действий, в которые вовлечены ее члены.

Всякое новое, не до конца понятное явление нередко продуцирует возникновение в отношении себя различных непроверенных предположений, домыслов, слухов. «ЧВК Рёдан» –

не исключение. Его членов стали интерпретировать в СМИ как последователей тех или иных радикальных идеологий – левой, правонационалистической, обвиняли в экстремизме. А пресс-секретарь Президента России Дмитрий Песков, заявив, что на деятельность «ЧВК Рёдан» обратили внимание в Кремле, охарактеризовал его как псевдосубкультуру, «которая идет со знаком минус и которая ничего хорошего не несет нашей молодежи» [Песков назвал движение «Рёдан» псевдосубкультурой 2023]. И в самом деле, имели место конфликты последователей этой группировки с мигрантами, представителями других неформальных молодежных движений. Однако те, кто выступает от имени данного объединения в социальных сетях, заявляют, что его участники не были инициаторами потасовок и вообще являются противниками насилия; так, на сайте группы во «ВКонтакте» утверждается, что «сообщество не пропагандирует терроризм, суицид, самоповреждения, наркотики, насилие и другие противоправные действия, данное сообщество не связано с политикой, религией и национализмом, мы не призываем нарушать законы Российской Федерации» [Редан 2023].

В условиях современного перенасыщенного информацией социума подчас только нетривиальное, эпатазирующее сознание обывателя явление может стать предметом пристального общественного внимания. «ЧВК Рёдан», во всяком случае, на ограниченный период времени, удалось его привлечь: сочетание криминального прототипа из аниме-сериала, намек на приватное военизированное объединение, считываемый в

радикальном поведении членов группы потенциал молодежного (анти)социального протеста – все это составило весьма острый коктейль, взбудораживший общественность. Разумеется, скорость и специфика распространения новостей в пространстве интернета наряду с растущей потребностью пользователей в перманентной подпитке своего эмоционального состояния шокирующей информацией также поспособствовали тому, что не имеющая устойчивой структуры, идеологии и системы представлений о жизни молодежная группировка, смысл самопрезентации большинства участников которой – совершать действия «для хайпа» и «по приколу», смогла громко заявить о себе одновременно в ряде городов России и даже за ее пределами.

Популярным вариантом молодежной самопрезентации сегодня выступают фанатские сообщества или, если использовать английский термин, фандомы. Наряду с другими условно классическими неформальными сообществами первые фанатские комьюнити (например, любителей научной фантастики, поклонников музыкальных групп, футбольных фанов) сформировались еще в эпоху до появления интернета. Но впоследствии фандомы стали заметной частью современной сетевой молодежной медиакультуры, в свою очередь включая в себя индивидуальный и коллективный фан-арт (рисунки, коллажи, плакаты комиксы, фотографии, видеоролики, посвященные объекту поклонения), фанфики (развитие или создание альтернативных сюжетов, сценариев полюбившегося литературного или кинематографического произведения его поклонниками),

стремление копировать внешний облик, манеру одеваться, поведение своих кумиров. Воспринимаясь в большинстве случаев как уже привычные формы молодежной активности, имеющие значение прежде всего для своих членов, в определенных обстоятельствах некоторые фанатские сообщества, в том числе сетевые, способны нести угрозу обществу становясь, в связи с этим, объектом пристального внимания широкой общественности, СМИ, правоохранительных и иных государственных органов.

Так, уже более двадцати лет в различных странах активно распространяются фандомы так называемых «колумбайнеров», посвященные американским школьникам Эрику Харрису и Дилану Клиболду, устроившим в 1999 году бойню в американской школе «Колумбайн» (фото 6).

Фото 6. Трагедия в американской школе «Колумбайн». Кадр видеозаписи с вооруженными налетчиками. Изображение размещено в свободном доступе на платформе: clck.ru/z8rowA

Желанием стрелявших, испытывавших личные комплексы и ненависть к окружающим, было совершение самого массового с

точки зрения количества жертв убийства в истории США и возможность тем самым прославиться. Преступники убили двенадцать человек, еще большее число ранили, а затем застрелились сами. Как ни парадоксально, у этих убийц оказалось не так уж мало сетевых фанатов, высказывавших в их адрес слова с той или иной степенью сочувствия, и, что еще более трагично, у них оказались последователи. Этим во многом объясняется признание движения «Колумбайн» Верховным судом Российской Федерации экстремистской организацией [Верховный Суд Российской Федерации признал «Колумбайн» террористической организацией 2022].

Чем же вызвана неожиданная популярность личностей молодых преступников, их мыслей и поступков, нашедшая выражение в создании посвященных им фанатских комьюнити, которые в научном сообществе и СМИ трактуются как разновидность молодежного деструктивизма [Глухова и др. 2022], называются «темными», «мрачными» (англ. – «dark») фандами и сообществами [Rico 2015]?

А. Р. Рико выделяет три основные причины появления таких групп: сочувствие Эрику и Дилану как предполагаемым социальным изгоям и отождествление в этом качестве себя с ними; часто свойственный молодым людям соблазн запретного, в данном случае олицетворяемого провокационным по целям и сути фандомом; желание привлечь к себе массовое внимание, вызвать реакцию общественности (неважно, какую), своего рода публичный троллинг [Rico 2015]. Последнее особенно актуально в

контексте последствий перманентного пребывания индивидов в современной инфосреде, где публичный эпатаж и желание постоянно испытывать остроту ощущений посредством производства и потребления соответствующей информации стали нормой (об этом говорилось и применительно к «ЧВК Рёдан»).

Поэтому не удивительно, имея в виду к тому же вирулентность распространения информации в эпоху интернета в придачу с отсутствием у регулирующих органов возможности своевременно и полностью пресекать распространение экстремистского контента в социальных медиа, что новости о массовых убийствах в образовательных учреждениях становятся вирусными, а это, в свою очередь, как ни печально, только способствует увеличению случаев подобного насилия в будущем. Как отмечают современные американские исследователи, «сообщения средств массовой информации о самоубийствах и убийствах, по-видимому, впоследствии увеличивают частоту подобных событий в обществе... из-за того, что освещение поспособствовало зарождению у лиц из группы риска идей для совершения подобных действий» [Towers et al. 2015: 1]. Примеров тому немало: стрелявший в начальной школе «Сэнди-Хук» Адам Ланц и стрелявший в Технологическом институте Вирджинии Чо Сын-Ху задокументировали свое восхищение молодыми людьми, устроившими трагедию в школе «Колумбайн» [Columbine Shootings' Grim Legacy: More than 50 School Attacks, Plots 2014], полицией задерживались тринадцатилетние подростки-школьники из Колорадо-Спрингс, составившие список

своих потенциальных жертв, они боготворили Харриса и Клиболда, стремились подражать им в одежде и поведении.

Мода на самовыражение посредством сетевого ассоциирования себя с массовыми убийцами (чаще) и самостоятельного применения насилия (реже) имеет глобальное распространение, и Россия не является счастливым исключением. Так, в сентябре 2017 года ученик 9-го класса Михаил Пивнёв пытался осуществить «шутинг» в подмосковном городе Ивантеевка. На протяжении нескольких лет до этого он интересовался событиями, произошедшими в Колумбайне, размещал в социальных сетях фотографии «прославившихся» там стрелков и сам был зарегистрирован в сети «ВКонтакте» под фамилией Клиболд, носил одежду одинаковых с ними марок и моделей. В 2018 году восемнадцатилетний Ярослав Росляков устроил бойню в политехническом колледже в Керчи, убив 21 человека, включая себя самого. При совершении преступления он скопировал внешний вид Эрика Харриса (или, скорее, его изображения в кинофильмах): был одет в майку белого цвета с надписью «Ненависть», черные брюки и берцы (фото 7).

Совершивший в мае 2021 г. вооруженное нападение на казанскую гимназию Ильназ Галявиев признавался в том, что идеи американских «колумбайнеров» стали основанием и для его действий: бросая таким ужасным образом вызов обществу, он пытался самоутвердиться. Предварительно он опубликовал на своей странице «ВКонтакте» пост, в котором предупреждал о своих намерениях и объяснял их тем, что считает себя богом,

который решит, кто будет жить, а кто умрет (аналогичный мотив был и у молодых американцев, стрелявших в школе в 1999 г.) (рис. 8).

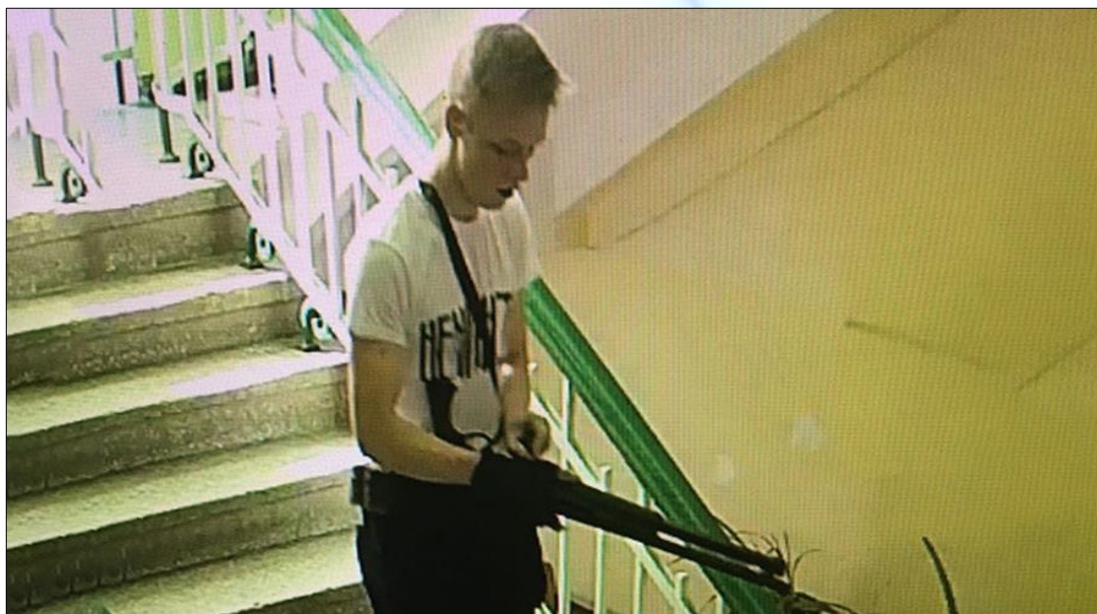

Фото 7. Ярослав Росляков, расстреливая людей в колледже в Керчи, скопировал внешний вид Э. Харриса – одного из американских «колумбайнеров». Изображение размещено в свободном доступе на платформе: clck.ru/38poXj

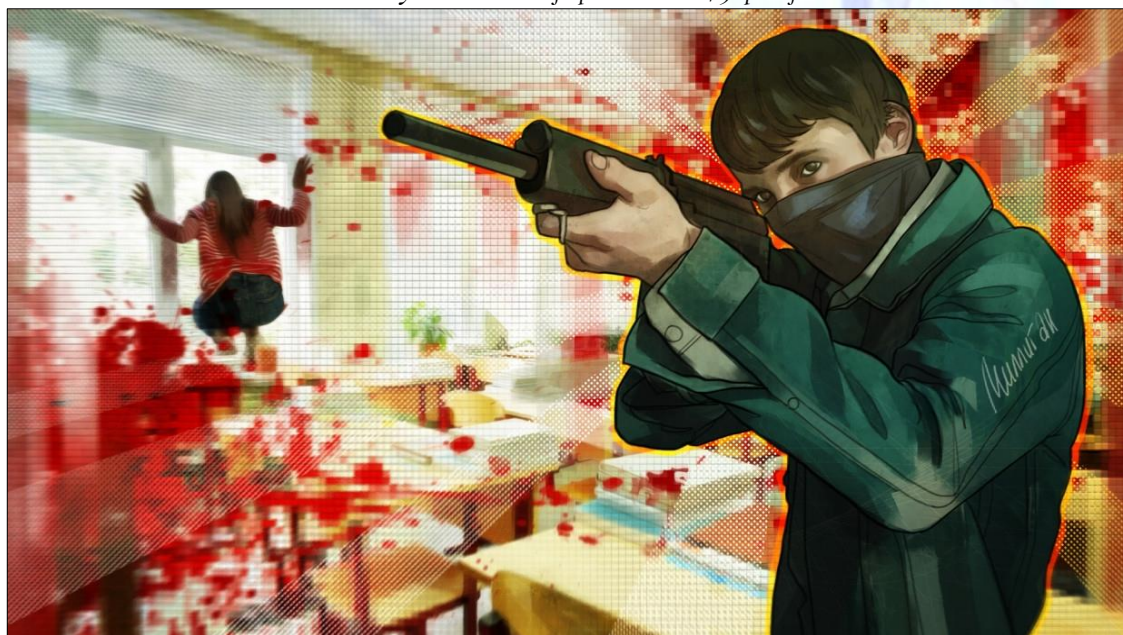

Рисунок 8. Казанский «стрелок» Ильназ Галявиев: «Я явился в этот мир в облике человека, чтобы избавиться от всех вас». Изображение размещено в свободном доступе на платформе: <https://t.sm24.net/mix/285240777/>

И вскоре в соцсетях стали появляться фан-аккаунты этого массового убийцы, заблокировать пришлось тысячи подобных страниц! Вдохновлялся эксцессами «колумбайнов» и Тимур Бекмансуров, устроивший смертоносную атаку в Пермском университете в сентябре 2021 года (фото 9). При этом признавался, что существенную роль в развитии желания осуществить массовое насилие сыграло его увлечение другим популярным явлением масскульта (формирующем и особую медиа-субкультуру): «С 12 лет я играл в жестокие [компьютерные] игры, в которых нужно убивать, где ты выступаешь в роли массового убийцы, маньяка, в игры, где ты играешь на стороне террористов, я играл в них практически все свободное время. <...> Игры с большим количеством насилия <...> помогали мне избавиться от стресса. В 16 лет у меня сгорел компьютер, и я больше не мог играть в игры, поэтому не мог избавляться от стресса... В итоге я хотел либо убивать, либо покончить жизнь самоубийством, либо быть убитым третьими лицами» [Овчинникова & Меркушев 2022].

Разумеется, случаи стрельбы в учебных заведениях случались и до 1999 года, но в эпоху, когда технические возможности для осуществления массовой самокоммуникации (М. Кастельс) отсутствовали, явления глорификации преступных элементов и массового им подражания, хотя и имели место, не могли стать таким заметным феноменом медиакультуры, как в последние десятилетия. И вряд ли может быть предложен какой-то очевидный универсальный способ остановить эту трагическую практику «поклонения убийствам». Существуют и иные примеры

Фото 9. Тимур Бекмансуров: «В 16 лет у меня сгорел компьютер, и я больше не мог играть в игры...
В итоге я хотел либо убивать, либо покончить жизнь самоубийством...»
[Овчинникова & Меркушев 2022]. Изображение размещено в свободном доступе на платформе:
<https://www.perm.kp.ru/daily/27450/4703541/>

отрицательных по смыслу и последствиям модели самопрезентации молодых людей в медиасреде, основанные на стремлении к острым ощущениям, желании заявить о себе любым способом, готовности в нетривиальной манере одолеть персональные комплексы. Среди них – так называемые группы смерти, «суицидальные» сетевые игры-сообщества такие, как «Синий кит» и «Тихий дом»; кураторы данных игр дают своим последователям различные задания, связанные, в том числе, с причинением себе увечий, финалом же может быть требование совершения суицида. В России за создание «групп смерти», подобных «Синему киту», введена уголовная ответственность.

Любопытно, что «суицидальные» игры легли в основу сюжета вышедших в разных странах кинофильмов («Розыск» Квак Чона, «Сайбирия» Н. Мазина) и телесериала («Первые ласточки» В. Шпакова), заявив о себе в массовой культуре и таким способом.

Не стоит, разумеется, сосредоточивать внимание исключительно на деструктивных и анархических аспектах молодежной самопрезентации средствами современной медиакультуры. Эти средства могут также способствовать самоорганизации и самовыражению общностей и индивидов в нетривиальной и привлекательной форме для достижения социально одобряемых и востребованных целей (социальных, политических, правозащитных, коммерческих и пр.)

Так новым типом социальной интеграции, возникшим в информационном социуме, свойственным, в первую очередь, молодежи, но не только ей, стал феномен, еще в 2002 году названный Г. Рейнгольдом «умной толпой» («Smart Mob») [Rheingold 2002]. В качестве таковой он рассматривал группу людей, не обязательно знакомых лично друг с другом, но объединенных посредством цифровых коммуникативных технологий (мобильные телефоны, SMS, интернет). Факт совместного использования таких технологий позволяет расширять пространство личной и коллективной инициативы, предоставляет новые возможности для самореализации. Со времени выхода этой книги значительно увеличилось количество и усовершенствовался функционал используемых людьми инструментов сетевой коммуникации, что позволяет говорить о решающей роли «умных толп» в

формировании новой цифровой солидарности, когда «большие массы людей прибегают к механизму социальной саморегуляции, самосохранения и саморазвития коллективного организма, максимально используя возможности всех членов общества для индивидуального и всеобщего блага» [Артамонов 2019: 127]. «Умная толпа» совершенно не напоминает, таким образом, толпу в привычном понимании: стихийную, интеллектуально ограниченную, склонную к деструктивным действиям.

Одним из элементов медиакультуры, который используют составляющие умную толпу, индивиды для презентации общественно значимых инициатив, а посредством этого – и самих себя, выступают флешмобы [Bylieva et al. 2017]. Эта новая динамичная форма социального единения по определенному поводу, иногда неожиданно возникшему, иногда заранее продуманному, часто зарождается в интернете, но впоследствии может манифестировать себя и оффлайн, например на улицах. С помощью флешмобов могут решаться самые разные задачи. Пример политической акции такого рода – молодежный музыкально-танцевальный флешмоб **#ПутинНашПрезидент**, прокатившийся по городам России в феврале 2021 года в поддержку Президента РФ на фоне протестных митингов (фото 10).

Вариант социального-терапевтического флешмоба: во время карантина по причине пандемии Covid-19 весной 2020 года, когда множество людей тяжело переживало неестественность разрыва привычных социальных связей, был запущен флешмоб **#ИЗОИЗОЛЯЦИЯ**, в ходе которого людям предлагалось с помощью

Фото 10. Флешмоб в поддержку Президента РФ Владимира Путина. Изображение размещено в свободном доступе на платформе: <https://lxl.su/DOz>

доступных подручных средств повторить и продемонстрировать всем известную (или не очень) картину, тем самым почувствовать свою вовлеченность в новое дело и профилактировать возможную депрессию. 5 июня 2023 года компания Газпром инициировала экологический флешмоб «Твой выбор – эко-стиль!»; в процессе данной акции в ряде российских городов прошли мероприятия, популяризирующие природоохранную тематику – образовательные уроки, коллективные уборки мусора, спортивные праздники.

Посредством флешмобов могут осуществляться и цели маркетингового продвижения товаров и услуг (к примеру, девушки, заполняющие вагон метро, держат в руках выпуски рекламируемого журнала) (фото 11).

Л. Б. Зубанова и Н. Л. Зыховская полагают, что сетевые флешмобы выступают одним из способов формирования так

называемой транзитной солидарности [Зубанова & Зыховская 2019]. По их мнению, такой тип солидарности формируется в среде интернет-аудитории, отличается ситуативностью и спонтанностью, для него характерны вирусный механизм распространения, приоритет процесса формирования над результатом, подвижная основа идентификации с группой и даже возможность соединения в единой акции изначально конфликтных групп [Зубанова & Зыховская 2019: 120]. Указанные атрибуты вполне соответствуют свойствам процессов самопрезентации средствами современной медиакультуры, которые уже были отмечены выше (перформативность, контекстуальность, децентрированность, транслокальность, способность комбинировать различные составляющие, синтезировать разнородные начально элементы).

Фото 11. Девушки в метро, держат в руках выпуски рекламируемого журнала Самая.
Изображение размещено в свободном доступе на платформе: clck.ru/38ppfH

Отдельного осмысления требует вопрос о том, не приведут ли прогрессирующая цифровизация и перманентное пребывание индивидов в виртуальной среде (способствующие перформативности и флексибельности сетевой самопрезентации, допустимости без ограничений активировать индивидуальные нарративы формирования своих цифровых брендов и имиджей применительно к случаю и контексту, к выработке привычки преимущественно казаться, а не быть) к последующей рассогласованности различных представленностей своего интегрального «Я», утрате ощущения единства личности, и, как итог, к невозможности наряду с множественными вариантами самопрезентации сохранять идентичность как таковую.

Заключение

В завершение можно констатировать, что множественные, и прежде всего сетевые, способы и сценарии самопрезентации, выступающие важной частью медиакультуры постсовременности, являют собой ресурс для выражения самых разных ценностей, установок и устремлений, как позитивных, способствующих «лучшей реализации актуальных человеческих потребностей: в коммуникации, политической активности, осуществлении совместных проектов на благо окружающим» [Шипулин и др. 2021: 129], так и негативных, популяризирующих псевдоидеалы и практики деструктивных субкультур; сетевое самопрезентирование может как содействовать решению важных жизненных задач – профессиональных научных, учебных, так и

выступать формой выражения бессмысленного, но весьма распространенного желания эпатировать публику. Ввиду этого выработка стратегий использования креативного потенциала цифровой медиакультуры во благо человечества, а не во вред ему, становится важнейшим направлением сотрудничества государства и общества.

Литература

- Алексеев-Апраксин, А. М. (2017). Образы японской культуры в современной России. *Философский полилог: журнал международного центра изучения русской философии*, 1, 12–20.
- Артамонов, Д. С. (2019). Новая цифровая реальность и реабилитация толпы. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика*, 19(2), 124–129. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-2-124-129>
- Верховный Суд Российской Федерации признал «Колумбайн» террористической организацией (2022, 2 февраля). *Генеральная прокуратура Российской Федерации*. Режим доступа: clck.ru/39VJ6m (дата обращения: 18.07.2023).
- Глухова, А. А., Иудин, А. А., & Шпилев, Д. А. (2022). Колумбайн как разновидность молодежного деструктивизма. *Russian Journal of Economics and Law*, 16(4), 808–846. <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2022.4.808-846>
- Зубанова, Л. Б., & Зыховская, Н. Л. (2019). Транзитная солидарность в современной сетевой культуре: между карнавалом и травмой. *Социологические исследования*, 5, 119–128. <https://doi.org/10.31857/S013216250004966-5>
- Кравченко, С. А. (2019). Цифровые риски, метаморфозы и центробежные тенденции в молодежной среде. *Социологические исследования*, 10, 48–57. <https://doi.org/10.31857/S013216250006186-7>
- Кыштымова, И. М., & Чжен, А. А. (2013). Психосемантика молодежной субкультуры и ее взаимосвязь с оценкой рекламных образов. *Психология в экономике и управлении*, 1, 74–81.
- Овчинникова, А., & Меркушев, Б. (2022, 31 октября). Шокирующее признание: Тимур Бекмансуров рассказал, что толкнуло его на массовое убийство студентов. *KP.Ru*. Режим доступа: <https://www.perm.kp.ru/daily/27464/4670494/> (дата обращения: 10.11.2023).
- Песков назвал движение «Рёдан» псевдосубкультурой. *РИА Новости*. Режим доступа: <https://ria.ru/20230228/peskov-1854820083.html> (дата обращения: 18.07.2023).
- Редан. *ВКонтакте*. Режим доступа: clck.ru/39VHqZ (дата обращения: 18.07.2023).

- Тоффлер, Э. (2004). *Третья волна*. Москва: АСТ.
- Хан, Ш. Д. (2023). Запутавшиеся в паутине: пагубное влияние социальных сетей на современную молодежь. *Индустрии впечатлений. Технологии социокультурных исследований (EISCRT)*, 4(5), 192–232. [https://doi.org/10.34680/EISCRT-2023-4\(5\)-192-232](https://doi.org/10.34680/EISCRT-2023-4(5)-192-232)
- Шейн, Э. Х. (2002). *Организационная культура и лидерство*. Санкт-Петербург: Питер.
- Шипулин, В. О., Кащей, Н. А., & Спорник, А. П. (2021). Феномен идентичности в реалиях цифрового общества: становление новых форматов. *Бренное и вечное: мифология цифровой цивилизации: материалы международной научной конференции, Великий Новгород, 27–28 октября 2020 г.* (стр.124–131). Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого.
- Bylieva, D. S., Lobatyuk, V.V., & Rubtsova, A. V. (2017). Evolution of Smart Mob: from Flash Mob to Smart City Element. *The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences*, XXXV, 225–235. <https://doi.org/10.15405/epsbs.2018.02.26>
- Columbine Shootings' Grim Legacy: More than 50 School Attacks, Plots (2014, October 7). *ABC News*. Available at: clck.ru/39BJff (accessed: 18.07.2023).
- Rheingold, H. (2002). *Smart Mobs: The Next Social Revolution*. Cambridge, MA: Basic Books.
- Rico, A. R. (2015). Fans of Columbine shooters Eric Harris and Dylan Klebold. *Transformative Works and Cultures*, 20. <http://dx.doi.org/10.3983/twc.2015.0671>
- Towers, S., Gomez-Lievano, A., Khan, M., Mubayi, A., & Castillo-Chavez, C. (2015). Contagion in Mass Killings and School Shootings. *PLoS ONE*, 10(7), e0117259. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0117259>

Информация об авторе

Шипулин Всеволод Олегович – кандидат философских наук, доцент кафедры философии, культурологии и социологии. Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (Россия, 173003, Великий Новгород, ул. Б. Санкт-Петербургская, 41), ORCID: 0000-0002-8921-3752, shipulin74@mail.ru

FROM "DEATH GROUPS" TO SMART MOBS: THE SOCIAL MEANING OF SELF-PRESENTATION SCENARIOS OF YOUTH IN POSTMODERN DIGITAL MEDIA CULTURE

Vsevolod Shipulin

Abstract: the article analyzes the specifics of the formation of self-presentation patterns of modern youth by means of media culture. There is a pluralization of formats and scenarios for the implementation of self-presentation in the conditions of a post-modern digital society, their inherent performativity,

contextuality, decenteredness, translocality, the ability to combine various components, to synthesize initially heterogeneous elements. The eclectic image characteristic of some of the youth communities can be ambiguously deciphered from the outside, and the meanings and intentions found in it are sometimes very far from those that the members of these communities themselves initially put into their image. The question of whether the scenarios of self-presentation offered by the network media culture will lead to a mismatch between the various components of the integral "I" and an identity crisis is also relevant. On the basis of specific examples of youth self-presentation carried out in the Internet space and beyond, the possibility of expressing various values, attitudes and aspirations with its help, both positive, contributing to the implementation of socially approved and demanded goals, and negative, popularizing the ideas and practices of destructive subcultures, is illustrated.

Keywords: self-presentation, digital media culture, informal youth movements, fandom, smart mob, flash mob.

References

- Alekseev–Apraksin, A. M. (2017). Obrazy iaponskoi kul'tury v sovremennoi Rossii [Images of Japanese Culture in modern Russia]. *Filosofskii polilog: zhurnal mezhdunarodnogo tsentra izuchenii russkoi filosofii* [Philosophical Polylogue: Journal of the International Center for the Study of Russian Philosophy], 7, 12–20. (In Russ).
- Artamonov, D. S. (2019). Novaya tsifrovaya real'nost' i reabilitatsiia tolpy [The New Digital Reality and crowd rehabilitation]. *Izvestiia Saratovskogo universiteta. Novaya seriia. Seriya: Filosofii. Psikhologii. Pedagogika* [Proceedings of the Saratov University. A new series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy], 19(2), 124–129. (In Russ). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-2-124-129>
- Bylieva, D. S., Lobatyuk, V.V., & Rubtsova, A. V. (2017). Evolution of Smart Mob: from Flash Mob to Smart City Element. *The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences*, XXXV, 225–235. <https://doi.org/10.15405/epsbs.2018.02.26>
- Columbine Shootings' Grim Legacy: More than 50 School Attacks, Plots (2014, October 7). *ABC News*. Available at: clck.ru/39BJff (accessed: 18.07.2023).
- Glukhova, A. A., Iudin, A. A., & Shpilev, D. A. (2022). Kolumbain kak raznovidnost' molodezhnogo destruktivizma [Columbine as a kind of youth destructivism]. *Russian Journal of Economics and Law* [Russian Journal of Economics and Law], 16 (4), 808–846. (In Russ). <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2022.4.808-846>
- Khan, Sh. D. (2023). Zaputavshiesia v pautine: pagubnoe vlianie sotsial'nykh setei na sovremennuiu molodezh' [Entangled in the web: the harmful influence of social networks on modern youth]. *Industrii vpechatlenii. Tekhnologii sotsiokul'turnykh issledovaniy (EISCRT)* [Experience industries. Socio-Cultural Research Technologies (EISCRT)], 4(5), 192–232. (In Russ). [https://doi.org/10.34680/EISCRT-2023-4\(5\)-192-232](https://doi.org/10.34680/EISCRT-2023-4(5)-192-232)

- Kravchenko, S. A. (2019). Tsifrovye riski, metamorfozy i tsentrobezhnye tendentsii v molodezhnoi srede [Digital risks, metamorphoses and centrifugal trends in the youth environment]. *Sotsiologicheskie issledovaniia* [Sociological research], 10, 48–57. (In Russ). <https://doi.org/10.31857/S013216250006186-7>
- Kyshtymova, I. M., & Chzhen, A. A. (2013). Psikhosemantika molodezhnoi subkul'tury i ee vzaimosviaz' s otsenkoi reklamnykh obrazov [Psychosemantics of youth subculture and its relationship with the evaluation of advertising images]. *Psikhologiya v ekonomike i upravlenii* [Psychology in Economics and Management], 1, 74–81. (In Russ).
- Ovchinnikova, A., & Merkushev, B. (2022, October 31). Shokiruiushchee priznanie: Timur Bekmansurov rasskazal, chto tolknulo ego na massovoe ubiistvo studentov [Shocking confession: Timur Bekmansurov told what drove him to the mass murder of students]. *KP.Ru*. Available at: <https://www.perm.kp.ru/daily/27464/4670494/> (accessed: 10.11.2023). (In Russ).
- Peskov nazval dvizhenie «Redan» psevdosubkul'turoi [Peskov called the Redan movement a pseudo-subculture]. *RIA Novosti*. Available at: <https://ria.ru/20230228/peskov-1854820083.html> (accessed: 18.07.2023). (In Russ).
- Redan. *Vkontakte*. Available at: clck.ru/39BHqZ (accessed: 18.07.2023). (In Russ).
- Rheingold, H. (2002). *Smart Mobs: The Next Social Revolution*. Cambridge, MA: Basic Books Publ.
- Rico, A. R. (2015). Fans of Columbine shooters Eric Harris and Dylan Klebold. *Transformative Works and Cultures*, 20. <http://dx.doi.org/10.3983/twc.2015.0671>
- Shein, E. Kh. (2002). *Organizatsionnaia kul'tura i liderstvo* [Organizational culture and leadership]. Saint-Petersburg: Piter Publ. (In Russ).
- Shipulin, V. O., Kashchei, N. A., & Spornik, A. P. (2021). Fenomen identichnosti v realiiakh tsifrovogo obshchestva: stanovlenie novykh formatov [The phenomenon of identity in the realities of digital society: the emergence of new formats]. *Brennoe i vechnoe: mifologiya tsifrovoi tsivilizatsii: materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Velikii Novgorod, 27–28 oktiabria 2020 g.* [Perishable and Eternal: the Mythology of digital Civilization: proceedings of the International scientific Conference, Veliky Novgorod, October 27–28, 2020]. (pp. 124–131). Velikii Novgorod: Yaroslav-the-Wise Novgorod State University Publ. (In Russ).
- Toffler, E. (2004). *Tret'ia volna* [The third wave]. Moscow: AST Publ. (In Russ).
- Towers, S., Gomez-Lievano, A., Khan, M., Mubayi, A., & Castillo-Chavez, C. (2015). Contagion in Mass Killings and School Shootings. *PLoS ONE*, 10 (7), e0117259. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0117259>
- Verkhovnyi Sud Rossiiskoi Federatsii priznal «Kolumbain» terroristicheskoi organizatsiei [The Supreme Court of the Russian Federation has recognized Columbine as a terrorist organization] (2022, February 2). *General'naiia prokuratura Rossiiskoi Federatsii* [Prosecutor General's Office of the Russian Federation]. Available at: clck.ru/39BJ6m (accessed: 18.07.2023). (In Russ).

Zubanova, L. B., & Zykhoyskaia, N. L. (2019). Tranzitnaia solidarnost' v sovremennoi setevoi kul'ture: mezhdu karnavalom i travmoi [Transit Solidarity in Modern Online Culture: between Carnival and Trauma]. *Sotsiologicheskie issledovaniia* [Sociological research], 5, 119–128. (In Russ). <https://doi.org/10.31857/S013216250004966-5>

Author's information

Shipulin Vsevolod Olegovich – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Sociology. Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (41 B. St. Petersburg str., Veliky Novgorod, 173003, Russia), ORCID: 0000-0002-8921-3752, shipulin74@mail.ru

For citation:

Shipulin, V. O. (2024). From "death groups" to smart mobs: the social meaning of self-presentation scenarios of youth in postmodern digital media culture. *Experience industries. Socio-Cultural Research Technologies (EISCRT)*, 1(6), 220–250. (In Russian). [https://doi.org/10.34680/EISCRT-2024-1\(6\)-220-250](https://doi.org/10.34680/EISCRT-2024-1(6)-220-250)